

Дикий водяной:
баллада и демонологические представления
о водяных духах

Анна Е. Калкаева

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук, Москва, Россия;
Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, kalkaeva@mail.ru*

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу баллады о водяном и его жене, «прекрасной Ханналее». Исследуется версия баллады, в которой водяной угрожает разорвать одного из детей пополам; рассмотрены отдельные мотивы и образы (в основном связанные с потомством водяного духа и челоуека) баллады, с одной стороны, и демонологических рассказов – с другой. Некоторые исследователи уже высказывали предположение, что на балладу о «Ханналее» оказала влияние не только датская баллада «Агнете и водяной», но и определенные славянские песни. В работе рассматривается мотив разрывания ребенка сверхъестественным существом в текстах Русского Севера и славянских земель. Этот мотив встречается в текстах разных жанров и в Азии, и в Европе, в том числе в Скандинавии, однако, по-видимому, он был неизвестен в Дании. Дополнительно замечено, что тревожность женщины по отношению к судьбе потомства, вероятно, влияла на исполнение баллады таким же образом, как она влияла и на мифологические нарративы, зафиксированные в том числе у немцев и славян.

Ключевые слова: народная баллада, демонологический рассказ, водяной дух, водяной, фольклор

Для цитирования: Калкаева А.Е. Дикий водяной: баллада и демонологические представления о водяных духах // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 4, ч. 2. С. 186–200. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-4-186-200

Wild Wassermann.
The ballad and mythological beliefs
about water spirits

Anna E. Kalkaeva

*Institute of Scientific Information on Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
kalkaeva@mail.ru*

Abstract. The author analyses folk-ballad about water spirit and his human wife (“schöne Hannalee”). One of its versions is telling about merman threatening to split their child in two halves. Some motives and images (generally connected with children of merman and human) of the ballad are compared with those of folklore narratives. Some scholars had already suggested that the Ballad about Hannalee was inspired not only by the Danish ballad “Agnete and the Merman” but also by certain Slavic folksongs. The article inspects the motif of splitting the child in texts of Russian North and Slavic lands. The motif appears in texts of different genres in Asia and Europe, in Scandinavia, but it seems to be unknown in Denmark. In addition, the author notes that woman’s anxiety about the future of her children probably influenced the ballad’s plot as well as it probably have influenced mythological texts.

Keywords: folk ballad, mythological narrative, water spirit, vodyanoy, folklore

For citation: Kalkaeva, A.E. (2022), “Wild Wassermann. The ballad and mythological beliefs about water spirits”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 4, part 2, pp. 186–200, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-4-186-200

Баллада «Дикий водяной» известна в России в основном под названием «Лилофея» как фольклорное произведение, опубликованное в сборнике немецких баллад в переводе Льва Гинзбурга¹. Существует несколько известных версий этой баллады, восходящих к датским брошюрам второй половины XVIII в.² К середине XIX в. версии баллады были зафиксированы в том числе в Дании, Германии, Силезии, Словении. Имя героини в разных версиях могло быть другим: «Ханналея, Аннале, Агнете, Агнафе, Доротея, Лилофея,

¹Гинзбург Л. Немецкие народные баллады в переводе Льва Гинзбурга. М.: ГИХЛ, 1959. С. 57.

²Meisling P. Die dänische Agnete-Ballade, eine Travestie der skandinavischen Dämonenmotive. Jahrbuch für Volksliedforschung. 34. Jahrg. 1989. S. 70.

Линафея»³. В третьей четверти XIX в. Свен Грундтвиг, составитель первого сборника «Датские старые народные песни» (*Danmarks gamle Folkeviser*), проявил интерес к ее славянским версиям⁴. В сборнике 1908 г. (2-е издание) немецкая версия названа «изначально славянской»⁵. Позднее фокус в исследованиях сместился в другую сторону: на решение вопроса, пришла ли немецкая версия в Данию или наоборот. Во второй половине XX в. были написаны две диссертации: Югн Рю и П. Мейслинг, расследуя возникновение датской баллады «Агнете и водяной» (*Agnete og Havmanden*), в своих работах пришли к выводу, что «Агнете» имеет северное происхождение [Bredsdorff 1991, S. 67]. Однако для этого исследования не так важно, пришла баллада из немецких земель в Данию или наоборот. Задача его заключается в рассмотрении восточных (по отношению к Германии) материалов, которые могли оказать влияние на немецкую версию. Эта задача, в свою очередь, дополняет другую: вопрос соотношения баллады (ее структуры, мотивов и поведения демонологического персонажа) и мифологических нарративов.

Неизвестно, имеет ли баллада литературное происхождение. На протяжении XIX в. на основе сюжета ее разных версий неоднократно создавались художественные произведения – как скандинавскими авторами (так, поэма И. Баггесена *Agnete fra Holmegaard* была опубликована в 1808 г.⁶), так и другими (в том числе и чешским писателем К.Я. Эрбеном, опубликовавшим в 1853 г. поэму *Vodník*⁷). Она неоднократно переводилась, в том числе с датского на немецкий язык: самый ранний известный перевод опубликовал Х.Л. Зандер в 1816 г.⁸ Тем не менее, чтобы устно распространяться и попадать заново в сборники фольклорных песен, сюжет баллады должен был в той или иной степени совпадать с социальными и де-

³Deutscher Liederhort / Hrsg. L. Erk, F.M. Böhme. Leipzig: Breitkopf und Härtel, 1893. Bd. 1. S. 2.

⁴Danmarks gamle folkeviser / Ed. by S. Grundtvig. Samfundet til den danske literaturs fremme. Copenhagen, 1856. Nr. 33–114. S. 50.

⁵*Falbe-Hansen I., Olrik A.* Danske folkeviser i udvalg, under medvirkning af Ida Falbe-Hansen. Udgivne for Dansklaererforeningen, første samling. Anden udgave. Gyldendalske Boghandel Nordisk Forlag København og Kristiania. 1908. S. 68.

⁶*Baggesen J.* Nyeste Blandede Digte. Kbh.: Fr. Brummers Forlag, 1808. P. 163–179.

⁷*Erben K.J.* Kytice z pověstí národních: Straussehen aus den Volks (in Ehrenchen) liedern. Prazе: Jarosl. Pospěšil, 1853. P. 94–105.

⁸*Meisling P.* Die dänische Agnete-Ballade, eine Travestie der skandinavischen Dämonenmotive. Jahrbuch für Volksliedforschung, 34. Jahrg. 1989. S. 70.

монологическими представлениями исполнителей и слушателей. Подстраиваясь под запросы людей, баллада «Дикий водяной», как и многие другие фольклорные песни, стала вариативным текстом.

Баллада, наиболее приближенная к тексту Л. Гинзбурга, встречается в 1840-х гг. В 1842 г. она была опубликована в «Силезских народных песнях с мелодиями»⁹. Позже почти идентичные версии были опубликованы в собрании «Чудесный рог мальчика» с комментариями Людвиг Эрка 1854 г. (с пометкой «устно, из Силезии»)¹⁰ и в «Немецком песеннике» (с одной мелодией из двух городов Силезии – Легницы и Вроцлава, и из западно-немецкого Хайнау, и с двумя немного отличающимися мелодиями из Нойкирха, «что рядом с Гольдбергом в Силезии», и из Нижней Лужицы) в 1856 г.¹¹

Сюжет этой баллады, «Прекрасной Ханналеи», таков: водяной захотел взять в жены «прекрасную юную Ханналее» (дочь крестьянина в «Силезских народных песнях», знатная девушка – в «Чудесном роге» и «Песеннике»). Он построил мост, ступив на который Ханналея оказалась под водой. Под водой героиня родила водяному семерых сыновей. Услышав звон колоколов, она попросила мужа отпустить ее в церковь. В церкви героиня встретила своих родителей, которые тепло ее приветствовали. Вместе они отправились домой, где закатили пир. Ханналея отведала рыбного кушанья. Тогда ей на колени прилетело яблоко. Героиня попросила бросить яблоко в огонь. После этого явился водяной и напомнил Ханналее о детях. Ханналея ответила ему, что собирается забрать на землю четверых детей, оставив своему мужу троих. Водяной ответил ей, что детей следует делить поровну, и предложил разорвать седьмого ребенка пополам:

Die Kinder wollen wir teilen gleich
zwischen Berg und tiefem Tal
wohl über die See
nehm ich mir drei und du auch drei
Du schöne Hannele

⁹ *Hoffmann von Fallersleben A.H., Richter E.* Schlesische Volkslieder mit Melodien: aus dem Munde des Volkes. Leipzig: Breitkopf und Härtel, 1842. S. 1–4.

¹⁰ Ludwig Achim's von Arnim sämtliche Werke. Band 21 Des Knaben Wunderhorn. Alte deutsche Lieder, Teil 4: Nachlaß. 5. Berlin: De Gruyter. 1854. S. 88–90.

¹¹ Deutscher Liederhort. Auswahl der vorzüglichern deutschen Volkslieder aus der Vorzeit und der Gegenwart mit ihren eigenthümlichen Melodien / Ed. by L. Erk. Berlin: Enslin, 1856. S. 44–47.

Das siebente wollen wir teilen gleich
 zwischen Berg und tiefem Tal
 wohl über die See
 nehm ich ein Bein und du ein Bein
 Du schöne Hannele

Детей мы разделим поровну между горой и глубокой долиной, что над озером, ты возьмешь троих, и я возьму троих, ты, прекрасная Ханналея. Седьмого мы разделим пополам, между горой и глубокой долиной, что возвышается над озером: возьму я одну ногу, и ты возьмешь одну ногу, ты, прекрасная Ханналея¹².

Тогда Ханналея ответила, что скорее вернется обратно, чем позволит водяному таким образом разделить детей.

В этой балладе прослеживается структура сюжета, свойственная и датским, и западнославянским версиям:

1) водяной берет в жены земную девушку; 2) героиня проводит под водой несколько лет и рождает нескольких сыновей; 3) героиня слышит звук колоколов и просит мужа отпустить ее наверх, муж отпускает; 4) поднявшись наверх, девушка идет в церковь, встречает родных и отдаляется от водяного (иногда нарушая запрет, обозначенный мужем); 5) героиня отказывается возвращаться домой, водяной напоминает ей о детях, которые ждут ее дома, – это обстоятельство создает некоторую конфликтную ситуацию, напряжение в балладе.

Как было замечено выше, ряд исследователей настаивают на том, что именно благодаря датской балладе появились немецкие версии песни о диком водяном (а не наоборот).

Одна из ранних публикаций баллады (действительно, ее датской версии) относится к 1812 г. Приведем ее сюжет: героиня Агнете, стоя на мосту, получает предложение от водяного духа стать его возлюбленной и соглашается. Под водой она рождает семерых сыновей. Однажды, находясь у колыбели, она слышит звон колоколов в Англии и отпрашивается у мужа в церковь. В церкви Агнете встречает свою мать – рассказывает о сыновьях и о золотом кольце, которое подарил ей водяной. Водяной приходит за ней, и тогда изображения святых в церкви отворачиваются (объясняя последний образ, П. Мейслинг замечает: «католицизм частично продолжил оставаться в Германии в качестве народной религии в течение двух-трех веков после Реформации Лютера 1536 г.»¹³).

¹² *Hoffmann von Fallersleben A.H., Richter E.* Schlesische Volkslieder mit Melodien: aus dem Munde des Volkes. Leipzig: Breitkopf und Härtel, 1842. S. 4.

¹³ *Meisling P.* Die dänische Agnete-Ballade, eine Travestie der skandinavischen Dämonenmotive. Jahrbuch für Volksliedforschung. 34. Jahrg. 1989. S. 73.

Водяной говорит Агнете, что ее дети плачут, но она отказывается возвращаться обратно¹⁴.

Настаивая на датском происхождении баллады, П. Мейслинг замечает, что в балладе об Агнете присутствуют типично скандинавские демонологические мотивы, которые встречаются и в скандинавских балладах «Мошенничество водяного» (*Nøkkens Svig*, DgF 39) и «Девушка и король гномов» (*Jomfruen og Dvergekongen*, DgF 37)¹⁵. В первой балладе, которая встречается в том числе в «Листах Карен Браге» 1570–1580 гг., водяной, надев красивую одежду и приехав к королевскому замку, где проходят танцы, смаливает принцессу и скрывается с ней в воде. Девушка кричит, и на этом баллада завершается [Wright 2014, S. 3, 11]. Во второй (в более ранней версии – *Pigen og Bjergmanden*) девушка рождает своему похитителю семерых детей¹⁶.

Отмечая очевидные сходства датской и немецкой версий, нельзя, однако, не заметить и их различий. Последние заключаются в общем тоне баллады и отдельных ее мотивов. Если в датских версиях героиня добровольно становится возлюбленной водяного, то в немецких она оказывается под водой после того, как мост, на котором она стоит, обваливается. Можно заметить, что в скандинавских балладах водяные духи нередко «зачаровывают» людей, перед тем как их утопить [Wright 2014, S. 3]. Как бы то ни было, акт гипноза в балладе «Агнете» не проговаривается.

Поведение водяного в датских версиях П. Мейслинг называет необычно мягким для скандинавских баллад и объясняет это намеренной пародийной инверсией ролей главных героев¹⁷. Исследовательница Л. Тейлор в версиях, где героиня принимает решения, не согласовав их ни с родителями, ни с мужем, видит выражение протеста исполнительниц против подневольного в некоторых аспектах положения женщин [Taylor 2019, p. 170].

Как бы то ни было, финал немецких и западнославянских версий по большей части оказывается трагичным. В еще одной силезской версии (записанной у лужицких сербов), немецкий перевод которой вместе с оригиналом был опубликован в 1841 г., водяной разорвал одного ребенка, отобрав у героини, «других он задушил /

¹⁴ *Abrahamson W.H.F., Nyerup R., Rahbek K.L.* Udvalgte Danske Viser fra Middelalderen. København: J.F. Schultz. 1812. I Del. P. 313–315.

¹⁵ *Meisling P.* Die dänische Agnete-Ballade, eine Travestie der skandinavischen Dämonenmotive. Jahrbuch für Volksliedforschung. 34. Jahrg. 1989. S. 72.

¹⁶ *Ibid.* S. 73.

¹⁷ *Ibid.* S. 72.

и разбросал по улице / сам повесился на двери»¹⁸. В опубликованном в 1882 г. немецком переводе другой (но очень похожей на указанную выше) версии лужицких сербов водяной, перед тем как повеситься в дверях, открутил головы детям¹⁹. Эта версия объединена с другим сюжетом – «девушка тонет в день свадьбы»; подробно рассматривает связку этого мотива и мотива «жених или возлюбленный строит мост для девушки» в немецких и славянских песнях русский филолог В. Перетц²⁰. Еще в одной версии баллады водяной отрубает героине голову (баллада, переданная «устно, в районе Губена» (Бранденбург), опубликована в 1854 г.²¹; записана в Грамцове в Уккельмарке – Восточная Германия, земле Ольденбург – Западная Германия, 1856 г.²² Аутентичность такого завершения в «Датском песеннике» ставится под сомнение²³). Только в версии, записанной в Магдебурге (город в современной земле Саксония-Анхальт, находится рядом с Бранденбургом), водяной-никельманн (*Nickelmann*), потянув за цепь и не обнаружив своей жены, у которой до этого на ноге она была закреплена, говорит: «Я не буду мучить тебя дольше <...>, и я не буду горевать до смерти <...>, ты, старая Ангина Фея»²⁴. Эта последняя добродушная версия перекликается с датской больше, чем другие, упомянутые выше, среди их сходств можно выделить и то, что, находясь под водой, героиня слышит звон именно английских колоколов. Образ английского короля П. Мейслинг называет типичным именно для скандинавских баллад²⁵.

¹⁸ *Haupt L.* Pjesnički hornych a deŕnych Lužiskich Serbow. Grimma: J.M. Gebhardt, 1841. 1 Theil. S. 64.

¹⁹ *Schulenburg W., von.* Wendisches Volksthum in Sage, Brauch und Sitte. Berlin: Nicolai, 1882. S. 55–56.

²⁰ *Перетц В.Н.* Современная русская народная песня (окончание) // Библиограф. 1893. Вып. 23. С. 107–136.

²¹ Ludwig Achim's von Arnim sämmtliche Werke. Bd. 21. Des Knaben Wunderhorn. Alte deutsche Lieder. Teil 4: Nachlaß. 5. Berlin: De Gruyter, 1854. S. 91–92.

²² Deutscher Liederhort. Auswahl der vorzüglichern deutschen Volkslieder aus der Vorzeit und der Gegenwart mit ihren eigenthümlichen Melodien / Ed. by L. Erk. Berlin: Enslin, 1856. S. 48–49.

²³ Danmarks gamle folkeviser / Ed. by S. Grundtvig. Samfundet til den danske literaturs fremme. Copenhagen, 1856. Nr. 33–114. S. 50.

²⁴ *Hoffmann von Fallersleben A.H., Richter E.* Schlesische Volkslieder mit Melodien: aus dem Munde des Volkes. Leipzig: Breitkopf und Härtel. 1842. S. 4–5.

²⁵ *Meisling P.* Die dänische Agnete-Ballade, eine Travestie der skandinavischen Dämonenmotive. Jahrbuch für Volksliedforschung. 34. Jahrg. 1989. S. 74.

Итак, в более мягких датских версиях мы не находим мотива разрывания детей. Откуда тогда он мог взяться в немецкой и западнославянских балладе и песнях?

Мотив разрывания ребенка в фольклорной прозе

Этот мотив не прослеживается в скандинавских балладах, однако он встречается в записях фольклора Шпицбергена и Русского Севера XIX и XX вв. А.Н. Харитонов в 1849 г. опубликовал сюжет о сожигательстве «дикой девки» Шпицбергена с промысловиком. Когда мужчина решил покинуть дикую женщину, она швырнула ему в ладью рож-денного ребенка [Власова 2016, с. 403–404]. В тексте, записанном О.Э. Озаровской в 1920-х гг. на Северной Двине, описывается, как русалка родила ребенка от промышленника. Когда за промышленниками пришли судна, русалка «увидала, выбежала на гору, ребенка разодрала, половину себе взяла, а другу свись на судно!» – но промахнулась [Власова 2016, с. 403–404]. Сюжет этот, в частности, перекликается с рассказом, записанным в начале XX в. на Кольском полуострове и опубликованным в 1903 г.: Ванька Нордкапский, морской сотан, «злой дух Севера», похитил девушку, а когда она сумела бежать, разорвал их общего ребенка на две части и бросил в лодку. И в этом, и в упомянутом ранее тексте половина тела ребенка, брошенная на борт, воспринималась как опасная для судна [Власова 2016, с. 404]. Упомянутые тексты соотносятся с сюжетом указателя сказочных типов АТУ 485 (СУС 485).

В Олонецком крае была записана быличка, которую упоминает М. Власова в «Новой Абеведе»: «Иногда водяной пытается ходить (и ходит) к понравившимся или заклётым девушкам, женщинам, вдовам. <...> В Олонецкой быличке водяной живет со вдовой, а затем уносит свою “некрещеную” половину умершего ребенка» [Власова 2001, с. 98].

Что интересно, структура баллады о диком водяном в некоторой степени соотносится со структурой «Повести о бесноватой Соломонии» (датируется 1670-ми гг., одна из известных фиксаций сюжета – в Житии Иоанна и Прокопия Устюжских): в повести бесы регулярно посещают героиню, увлакивают ее из дома (отец Соломонии – поп). Героиня рождает детей-бесов. Однажды ей даже приходится бежать к отцу и передавать ему имена бесов – с этого момента начинается многолетнее исцеление героини от демонов. О.Б. Христофорова, прибегая в том числе к финно-угорскому материалу, замечает близость сюжета повести к рассказам о сожигательстве лешего, медведя (а в иных случаях и водяного) и человеческих

женщин. При этом в статье предполагается, что «речь идет о, по всей видимости, одной из универсальных мифологических моделей, и <...> более важным оказывается наличие в традиции определенной матрицы, а не то, откуда черпаются семантические элементы для ее наполнения» [Христофорова 2020, с. 112].

Тем не менее в некоторых случаях эта модель включает мотив разрывания сверхъестественным существом ребенка, рожденного в союзе с человеком. Этот мотив встречается и в Европе, и в Азии, в том числе в Монголии [Неклюдов 2019, с. 344]. Он, по-видимому, существует в Скандинавии – в сказочных сюжетах финнов²⁶. Однако мы (пока?) не находим его в Дании, несмотря на то, что можно было бы предполагать его возможное распространение с Северной Европы. Видимо, если баллада «Ханналея» сформировалась под непосредственным влиянием «Агнете», то это влияние не было единственным. Могло ли такое влияние исходить от немецких мифологических рассказов и как вообще соотносится баллада и немецкие демонологические тексты?

Водяные духи в немецких демонологических рассказах

С одной стороны, структура этой баллады не совпадает со структурой большого количества немецких рассказов о столкновении человека и водяного духа, которые нередко кончаются смертью человека (ребенка, мужчины, девушки) в воде. По замечанию Я. Гримма, «в целом [германские. – А. К.] сказания о водяных отличаются жестокостью и кровавостью, чего нельзя сказать об историях, посвященных горным, лесным и домашним духам» [Гримм 2019, с. 794]. С другой стороны, отдельные немецкие мифологические образы и мотивы пересекаются с образами и мотивами «Ханналеи». Возможно, таким смежным образом является яблоко, которое оказывается на коленях Ханналеи – Якоб Гримм упоминает яблоко на тарелке как благоприятный знак, который должен появиться на поверхности воды [Гримм 2019, с. 795]. Исследователи не раз ссылались на «Германскую мифологию»²⁷.

²⁶ *Uther H.-J.* The Types of International Folktales: A Classification and Bibliography. Based on the system of Antti Aarne and Stith Thompson. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia. Helsinki: Academia Scientiarum Fennica, 2011. Vol. 1. P. 285.

²⁷ См., например, примечание в: *Deutscher Liederhort. Auswahl der vorzüglichern deutschen Volkslieder aus der Vorzeit und der Gegenwart mit ihren eigenthümlichen Melodien* / Ed. by L. Erk. Berlin: Enslin, 1856. S. 47.

Потомство водяных духов

В немецких фольклорных сборниках XIX в. есть и упоминания детей водяных духов, среди которых бывают и «подменыши» (*Kielkropf, Wechselbalg*). Так, в сборнике, опубликованном в 1846 г., Эмиль Зоммер пишет «о том, что никсы подменяют детей, знают по всей Саксонии». Детей никсов могут описывать как некрасивых, волосатых, медленно развивающихся²⁸ или как пучеглазых существ с огромной головой²⁹.

Известен мифологический рассказ, который опубликовал Франц Шонверт в сборнике фольклора Верхнего Пфальца в 1858 г., в котором водяной пришел к земной женщине, а когда она родила от него ребенка, унес ребенка с собой³⁰.

Стоит упомянуть сюжет, который опубликовали братья Гримм со ссылкой на И. Преториуса (1630–1680). Как значится в пометке к тексту, он был рассказан «в присутствии священника» повитухой в 1630 г. «в приходе Браулиб, в полумиле от Зальфельда» [город в земле Тюрингия. – А. К.]: водяной привел акушерку (мать рассказчицы) к своей рожаящей жене. Последняя поведала акушерке, что является христианкой, похищенной водяным. И если женщина родит ребенка, то водяной съест ее на третий день, и тогда вода окрасится кровью³¹. Перепечатав этот рассказ, братья Гримм привели и другой, опубликованный в «Фольклорных преданиях» (1800) Отмара – псевдоним теолога и филолога Иоганна К.К. Нахтигала. На этот раз женщина сказала акушерке, что никс собирается задушить ее ребенка; и, действительно, вскоре акушерка увидела кровавую струю, показавшуюся на поверхности воды³².

Перейдем к мотиву разрывания ребенка, который не выглядит чрезвычайно распространенным в немецких землях. Однако известен рассказ, который Людвиг Бехштейн привел в сборнике «Немецкие предания», где никса разорвала подмышка, как только его вернули обратно в озеро:

²⁸ *Sommer E.* Sagen, Märchen und Gebräuche aus Sachsen und Thüringen. Heft 1. Halle: E. Anton. 1846. S. 38–40.

²⁹ *Bechstein L.* Deutsches Sagenbuch. Leipzig: G. Wigand. 1853. S. 731.

³⁰ *Schönwerth F.* Aus der Oberpfalz. Sitten und Sagen. Augsburg: Rieger, 1858. Bd. 2. S. 188–190.

³¹ *Grimm W., Grimm J.* Deutsche Sagen. Berlin: Nicolai'sche Verlagsbuchhandlung. 1816. Bd. 1. S. 61–63.

³² *Grimm W., Grimm J.* Deutsche Sagen. Berlin: Nicolai'sche Verlagsbuchhandlung, Berlin. 1816. Bd. 1. S. 392–393.

Wie der Mann heim kam, und den Balg fand und seiner Frau Wehklage vernahm, strich er den Balg mit Ruten – da hörten beide ihr Kind am Seeufer weinen. Eilend holte es die Mutter, und der Vater nahm den Wechselbalg, und warf ihn in den See. Da fuhr gleich die Nixe herauf, zerriß den Wechselbalg und fraß ihn mit Stumpf und Stiel

[Мать поторопилась принести его [обратно], а отец взял подмышку и бросил его в озеро. Тогда сразу же наверху появилась никса, разорвала подмышку и сожрала, уничтожив его целиком]³³.

Стоит упомянуть, что исследователи Д. Симонидес, П. Шидак, Д. Климова предполагают, что многие представления, связанные с водяными духами, пришли в Германию именно из Силезии, а К. Дворжак, анализирувавший баллады о подмышках, заметил особо, «что демоном, который подменяет человеческого ребенка своим, в чешских землях является, помимо лесной «дикой женщины», именно водяной» [Балгарова 2019, с. 32].

Словенский водяной – песня и проза

Выше уже упоминались версии баллады, записанные у лужицких сербов, однако есть и другая песня, где присутствует убийство ребенка водяным. Эту песню, записанную у словен, упоминали и другие исследователи баллады об Агнете (в том числе и С. Грундтвиг), однако они не рассматривали отдельно ее мотивы, не сопоставляли их с мифологическими рассказами. В 1839 г. в сборнике “Slovenske pesmi kranjskega naroda” польским этнографом Э. Корытко была опубликована песня «Водяной» (*Pogodnji mósh*). Основная ее структура соответствовала структуре баллады о диком водяном: девушка Мизика отправилась на танцы, несмотря на запрет матери. Рассерженная мать сказала, чтобы водяной забрал ее дочь. На танцах к девушке подошел молодой человек и стал свирепю с ней танцевать. Девушка догадалась, что танцует с водяным, и воскликнула: «Водяной пришел за мной!» Водяной выскочил с героиней в окно. Они погрузились в воду, где героиня родила сына. Однажды она попросила отпустить ее в гости к матери. Водяной согласился при условии, что на земле Мизика не подойдет под благословение. Героиня не выполнила этого условия, тогда водяной пришел к девушке и сказал, что ее сын плачет. Однако Мизика отказалась следовать за мужем. Тогда

³³ *Bechstein L. Deutsches Sagenbuch. Leipzig: G. Wigand. 1853. S. 731.*

водяной разорвал сына пополам, чтобы у родителей осталось по половине ребенка³⁴.

Стоит заметить, что в 1830 г. вышла баллада словенского поэта Ф. Прешерна «Водяной», которая, возможно, оказала влияние на записанную позднее фольклорную песню. У Ф. Прешерна водяной умыкает девушку Урсю с танцев таким же образом, завертев, поднимаясь немного в воздух и погрузившись в реку (на этом баллада завершается)³⁵. Добавим, что баллада Прешерна была вдохновлена рассказом Янеза Вайкарда Вальвазора о похищении девушки в Любляне в начале XVI в. По словам М. Кропей, мотивы похищения водяными девушек и детей нередко встречаются у словен и в песнях, и в фольклорной прозе [Кропей 2012, р. 161].

Мотив разрывания совместного ребенка, упомянутый в песне, предположительно не чужд словенским мифологическим рассказам. Он встречается в словенской фольклорной прозе XX в. – в 1936 г. был опубликован текст, в котором описывался побег девушки от великана («горного мужа»). Великан не смог добраться до девушки и разорвал двух их общих детей³⁶.

Заключение

Немецкая (в первую очередь силезская) версия баллады, где водяной предлагает героине разорвать одного из детей пополам, возможно, сложилась, с одной стороны, под влиянием датской «Агнете», а с другой стороны – под влиянием западнославянских песен, в которых этот мотив присутствует. Несмотря на большую популярность мотива о разрывании ребенка водяным и прочими «дикими» существами – и мужчинами, и женщинами, который в XIX–XX вв. фиксировался достаточно широко (в том числе у финно-угорских народов и восточных и западных славян), он, по-видимому, не затронул Данию.

Если в «Балладе об Агнете» проглядывается запрос женщины на эмансипацию, то баллада о «Ханналее» и западнославянские песни о водяном могут передавать беспокойность женщины по

³⁴ *Koritko E.* Slovenske pesmi kranjskega naroda. Ljubljana: Joshef Blasnik. 1839. P. 79–81.

³⁵ *Прешерн Ф.* Стихотворения Франца Прешерна: Со словенского и немецкого подлинников / Пер. Ф.Е. Корш. М.: Тип. Г. Лисснера и А. Гешеля, 1901. С. 60–61.

³⁶ *Šašel J., Ramovš F.* Narodno blago iz Roža. Arhiv Zgodovinskega društva. Maribor, 1936.

отношению к своей семейной жизни и судьбе своих детей. Эту тревожность могут передавать и демонологические рассказы. Структура баллады о водяном не совпадает со структурой многих немецких мифологических рассказов о водяных, которые нередко заканчиваются именно гибелью человека в воде. Отдельные мотивы баллады, однако, оказываются близки демонологическим представлениям: дети, рожденные от водяного, остаются у отца.

На другом уровне, который, однако, тоже свидетельствует об адаптации лирического фольклора к мировоззрению общества, проглядывают отдельные образы (такие как яблоко в «Ханналее»), которые приросли к основной структуре сюжета на немецких, датских и славянских землях в соответствии с демонологическими представлениями исполнителей.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта РГГУ «Мифо-ритуальные и дискурсивные практики в контексте живых традиций» (конкурс «Проектные научные коллективы РГГУ»).

Автор статьи благодарит С.Ю. Неклюдова и О.Б. Христофорову за советы и помощь в подборе материалов.

Acknowledgements

This paper was financially supported by the Russian State University for the Humanities, project “Mytho-ritual and discursive practices in the context of living traditions”.

The author would like to thank S.Yu. Neklyudov and O.B. Khristoforova for the advice and the help with the selection of sources.

Сокращения

ATU – Aarne-Thompson-Uther Index. *Uther H.-J.* The types of international folktales: a classification and bibliography. Based on the system of Antti Aarne and Stith Thompson. Helsinki: Academia Scientiarum Fennica. 2011. Vol. 1.

DgF – Danmarks gamle Folkeviser / Ed. by S. Grundtvig. Samfundet til den danske literaturs fremme: Copenhagen. 1856. Nr. 33–114.

СУС – Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Сост. Л.Г. Барга и др. Л.: Наука, 1979. 437 с.

Литература

- Балгарова 2019 – *Балгарова А.* Водяной в фольклоре и литературе (на примере региона Силезия) // *Славяноведение*. 2019. № 6. С. 30–40.
- Власова 2001 – *Власова М.Н.* Русские суеверия: энциклопедический словарь. СПб.: Азбука-классика, 2001. 669 с.
- Власова 2016 – *Власова М.Н.* Русский фольклор Груманта (Шпицбергена) // *Русский фольклор*. Материалы и исследования / Отв. ред. Е.И. Якубовская. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. Т. 35. С. 385–412.
- Гримм 2019 – *Гримм Я.* Германская мифология. Т. 1 / Пер., коммент. Д.С. Колчигина; под ред. Ф.Б. Успенского. М.: Издат. дом ЯСК, 2019. 928 с.
- Неклюдов 2019 – *Неклюдов С.Ю.* Фольклорный ландшафт Монголии: Эпос книжный и устный. М.: Индрик, 2019. 590 с.
- Христофорова 2020 – *Христофорова О.Б.* «Повесть о бесноватой Соломонии»: мифологические контексты и параллели // *Фольклор: структура, типология, семиотика*. 2020. Т. 3. № 1. С. 94–127.
- Bredsdorff 1991 – *Bredsdorff Th.* Nogen skrev et sagn om “Agnete og Havmanden”: Hvem, hvornår og hvorfor? // *Fund og forskning i det Kongelige Biblioteks samlinger*. Kongelige Bibliotek (Denmark). 1991. Vol. 30. P. 67–80.
- Krojej 2012 – *Krojej M.* Supernatural beings from slovenian myth and folktales. Ljubljana: Založba ZRC/ZRC Publishing, 2012. 284 s.
- Taylor 2019 – *Taylor L.* The Agnete Ballad of Denmark: cultural tool or protest song? // *Ballads of the North, Medieval to Modern: essays inspired by Larry Syndergaard* / Ed. by S.B. Straubhaar, R.F. Green. Kalamazo: Medieval Institute Publications, 2019. P. 159–174.
- Wright 2014 – *Wright Sh.L.* The Scandinavian ballad “Nøkkens Sving”, presented in the song “Heiemo og Nykkjen”. SCA (Society For Creative Anachronism), Kingdom of An Tir Bardic Championships, 2014. 31 p.

References

- Balgarova, A. (2019), “Hastrman (water spirit) in folklore and literature (on the example of Silesia region)”, *Slavyanovedenie*, no. 6, pp. 30–40.
- Bredsdorff, Th. (1991), “Nogen skrev et sagn om ‘Agnete og Havmanden’: Hvem, hvornår og hvorfor?”, *Fund og forskning i det Kongelige Biblioteks samlinger. Kongelige Bibliotek*, vol. 30, pp. 67–80.
- Grimm, Ya. (2019), *Germanskaya mifologiya* [Deutsche mythologie], in *Uspenskii, F.B.* (ed.), vol. 1, Izdatel’skii dom YASK, Moscow, Russia.
- Khristoforova, O.B. (2020), “The tale of the possessed woman Solomonia’: mythological contexts and parallels”, *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 3, no. 1, pp. 94–127.

- Krojež, M. (2012), *Supernatural beings from Slovenian myth and folktales*, Založba ZRC/ZRC Publishing, Lyublyana, Slovenia.
- Neklyudov, S.Yu. (2019), *Fol'klornyi landschaft Mongolii. Ehpos knizhnyi i ustnyi* [The Folklore Landscape of Mongolia: Written and Oral Epics], Indrik, Moscow, Russia.
- Taylor, L. (2019), The Agnete Ballad of Denmark: Cultural Tool or Protest Song?, *Ballads of the North, Medieval to Modern: Essays Inspired by Larry Syndergaard*, in Straubhaar, S.B. and Green, R.F. (eds.), Medieval Institute Publications, Kalamazoo, USA, pp. 159–174.
- Vlasova, M.N. (2001), *Russkie sueveriya: entsiklopedicheski slovar'* [Russian superstitions: encyclopedic dictionary], Azbuka-Klassika, Saint Petersburg, Russia.
- Vlasova, M.N. (2016), "Russian folklore of Grumant (Spitsbergen)", *Russkii fol'klor. Materialy i issledovaniya* [Russian folklore. Materials and research], in Yakubovskaya, E.I. (ed.), Dmitrii Bulanin, Saint Peterburg, Russia, vol. 35, pp. 385–412.
- Wright, Sh.L. (2014), The Scandinavian Ballad "Nøkkens Svig", Presented in the song "Heiemo og Nykkjen", SCA (Society For Creative Anachronism), Kingdom of An Tir Bardic Championships.

Информация об авторе

Анна Е. Калкаева, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Москва, Россия; 117418, Россия, Москва, Нахимовский пр-т, д. 51/21;

аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; kalkaeva@mail.ru

Information about the author

Anna E. Kalkaeva, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 51/21, Nakhimovsky Av., Moscow, Russia, 117418;

postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; kalkaeva@mail.ru